

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Кириллов

**Догматическое учение
о таинстве Евхаристии в
творениях св. Иоанна Златоуста**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1896. № 5-6. С. 545-572.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Догматическое учение о таинствѣ евхаристіи

ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА¹⁾.

НЕ МЕНѢ замѣчательно въ догматическомъ отношеніи для нашего вопроса и третье мѣсто изъ толкованій св. Іоанна Златоуста,—это 24-я его бесѣда на первое посланіе ап. Павла къ Коринѳянамъ (X, 16). Въ объясненіе словъ учителя языковъ: „чаша благословенія, которую мы благословляемъ, не есть ли приобщеніе крови Христа?“ (X, 16) онъ говоритъ сначала, что блаженный Павелъ, желая тронуть слушателя и вспоминая о страшныхъ таинствахъ, называетъ ту страшную и приводящую въ трепетъ чашу чашею благословенія, показывая тѣмъ все сокровище Божіихъ благодѣяній; равно какъ и мы, добавляетъ онъ, перечисляя предъ чашею неизреченныя благодѣянія Божіи и все, чѣмъ наслаждаемся, (со страхомъ) приступаемъ къ ней и причащаемся, благодаря за то, что Онъ освободилъ родъ человѣскій отъ заблужденія и бывшихъ далеко приблизили къ Себѣ, не имѣющихъ упованія и безбожныхъ въ мірѣ содѣлалъ братьями Своими и наслѣдниками,—такимъ образомъ за сіе и за все подобное сему благодаря, мы приступаемъ къ чашѣ; затѣмъ, повторивъ снова текстъ апостола, продолжаетъ: „вполнѣ вѣрно и страшно онъ сказалъ. Ибо что онъ говоритъ, то это значитъ: *то самое, что находится въ чашѣ, есть истекшая изъ ребра кровь, и ея мы причащаемся.* Назвать чашею благословенія, такъ какъ имѣя ее въ рукахъ, мы такимъ образомъ воспѣваемъ Его, удивляясь и поражаясь несказаннымъ даромъ, благословляя за то, что эту самую (кровь) излилъ, дабы мы не оставались въ заблуж-

¹⁾ См. I вып. «Христ. Чтенія» за наст. годъ (январь—февраль).

денія, и не только излилъ, но и всѣмъ намъ предалъ ее; такъ что если ты желаешь крови, то обагри не жертвенникъ (θωμὸν) идоловъ убійствомъ безсловесныхъ, но Мой жертвенникъ (θυσιαστήριον) Моею кровію. Что ужаснѣе этого, что болѣе нѣжнолюбимо, скажи мнѣ“? ¹⁾).—Вотъ первое положеніе св. отца: чаша благословенія, чаша евхаристіи—содержитъ въ себѣ не то, что представляетъ только кровь Христа, или можетъ сдѣлаться кровью, и даже не кровь, которая относится къ Христу, однако еще отлична отъ крови, которую Онъ имѣлъ „во дни плоти“, но ту именно самую кровь, которую Онъ излилъ на крестъ и которая истекла изъ Его прободеннаго копіемъ ребра; следовательно, св. отецъ, допуская реальное присутствіе крови и съ тѣмъ вмѣстѣ и плоти Христа въ евхаристіи, признавалъ существенное тождество крови евхаристической и излитой на Голгоѣ за насъ. Далѣе онъ показываетъ превосходство любви къ намъ Христа предъ любовію всѣхъ людей въ томъ, что послѣдніе проявляютъ это доброе свое чувство въ имуществѣ, одеждахъ и стяжаніяхъ, въ крови же никто и никогда, а Христосъ и въ этомъ показалъ попеченіе и горячую къ намъ любовь; затѣмъ, такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ священнодѣйствіе было мало совершенно, то и въ этомъ случаѣ показалъ неизреченную любовь, проливши кровь, дабы отклонить отъ принесенія крови идоламъ, и учредилъ гораздо болѣе страшное и великолѣпное священнодѣйствіе, измѣнивъ самую жертву и вмѣсто закланія безсловесныхъ приказавъ приносить Себя ²⁾). Такимъ образомъ, по слову Златоуста, Христосъ Спаситель, уничтоживъ ветхозавѣтное жертвоприношеніе, какъ несовершенное, учредилъ вмѣсто него Свое

¹⁾ Σφόδρα πιστῶς καὶ φοβερῶς εἶρηκεν. Ὁ γὰρ λέγει τοῦτο ἐστίν, ὅτι τοῦτο τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ ὄν, ἐκεῖνὸ ἐστὶ τὸ ἀπὸ τῆς πλευρᾶς ρεῦσαν καὶ ἐκεῖνου μετέχομεν. Ποτήριον δὲ εὐλογίας ἐκάλεσεν, ἐπεὶ αὐτὸ μετὰ χειρὸς ἔχοντες, οὕτως αὐτὸν ἀνυμνοῦμεν, θαυμάζοντες καὶ ἐκπληττόμενοι τῆς ἀφ' αὐτοῦ δωρεῆς, εὐλογοῦντες ὅτι καὶ αὐτὸ τοῦτο ἐξέχειν, ἵνα μὴ μείνωμεν ἐν τῇ πλάνῃ καὶ οὐ μόνον ἐξέχεεν, ἀλλὰ καὶ πᾶσιν ἡμῖν αὐτοῦ μετέδωκεν.—S. Ioann. Chrysost. op. t. X., in epist. 1 ad Cor., hom. XXIV, n. 1, col. 199—200.

²⁾ Ἐνταῦθα δὲ ἐπὶ τὸ πολλῶ φρικωδέστερον καὶ μεγαλοπρεπέστερον τὴν ἱεουργίαν μετεσκεύασε, καὶ τὴν θυσίαν αὐτὴν ἀμείψας, καὶ ἀντὶ τῆς τῶν ἀλόγων σφαγῆς αὐτοῦ προσφέρειν κελεύσας. Ibidem, n. 2, col. 200.

новое, въ которомъ предлагаетъ въ жертву Самого Себя, и значить, по его мысли, *евхаристія есть жертва, въ которой за-калается Самъ Агнецъ Божій*,—вотъ второе положеніе, не получившее, правда, разъясненія въ данномъ мѣстѣ. Обращаясь къ главнѣйшимъ словамъ апостола: „хлѣбъ, который мы преломляемъ, не есть-ли общеніе (κοινωνία) тѣла Христова? (X, 16), св. Златоустъ спрашиваетъ: почему онъ не сказалъ—причащеніе (μετοχή)? и въ отвѣтъ указываетъ на значеніе слова: κοινωνία, которое употребляется, по его заявленію, для высшаго и внутренняго единенія, и потомъ продолжаетъ: *какъ то тѣло было соединено со Христомъ, такъ мы соединяемся съ тѣмъ же самымъ чрезъ этотъ хлѣбъ*. Для чего же присовокупилъ: который преломляемъ? Мы видимъ, что это именно исполнилось въ евхаристіи, а не на крестѣ; тамъ случилось даже противное сему, ибо кость Его, сказано, не сокрушится. Но что Онъ не потерпѣлъ на крестѣ, то терпитъ тебя ради въ приношеніи (ἐπὶ τῆς προσφορᾶς), и преломляемый терпитъ, чтобы всѣхъ исполнить. Потомъ, такъ какъ онъ сказалъ: общеніе тѣла,—а то, что имѣетъ общеніе, отлично отъ того, съ чѣмъ происходитъ общеніе,—то онъ уничтожилъ и это малое видимое различіе. Ибо сказавъ: общеніе тѣла, онъ стремился сказать нѣчто болѣе близкое, почему и прибавилъ: яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози (X, 17). Что я говорю, утверждаетъ онъ,—общеніе? *Мы—самое то тѣло. Ибо что такое хлѣбъ? Тѣло Христово. Чѣмъ же дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христа — не много тѣлъ, но одно тѣло*. Какъ хлѣбъ, составляемый изъ многихъ зеренъ, такъ соединяется, что зерна ни мало не обнаруживаются, потому что хотя они сами по себѣ и находятся, но вслѣдствіе единенія не выступаютъ, такъ и мы соединяемся другъ съ другомъ и со Христомъ. Ибо не инымъ тѣломъ питаешься ты, а другимъ питается онъ, но однимъ и тѣмъ же всѣмъ, почему и присовокупилъ: вси бо отъ единого хлѣба причащаемся“. Посему св. Златоустъ убѣждаетъ къ единодушію и говоритъ, что прежде у множества вѣрующихъ были одно сердце и душа одна; „но не такъ теперь: нынѣ отъ брата отказываются, не смотря на то,

что отъ Владыки приняли толикую любовь и животъ. Онъ не просто далъ Свою плоть, но такъ какъ первое естество, образованное изъ земли, въ силу грѣха, подпало смерти, то Онъ принесъ, какъ, пожалуй, иной могъ бы сказать—тѣсто и квасъ, иную, Свою плоть, по естеству такую же, но свободную отъ грѣха и полную жизни, *и всѣмъ далъ причаститься отъ нея, чтобы, питаясь ею и отложивши первую, мертвую (плоть), мы со-растворились въ жизнь вѣчную*“¹⁾. — Основная мысль этого мѣста—допущеніе полного, существеннаго общенія между Хри-соомъ и нами, или признаніе дѣйствительнаго принятія Имъ насъ въ Свое тѣло, такъ что мы становимся истинными Его членами. По его мнѣнію и апостоль употребилъ слово *κοινωνία*, вмѣсто *μετοχή*, единственно для того, чтобы показать внутреннюю связь, тѣснѣйшее единеніе. Какъ то тѣло, тѣло дѣйстви-тельное, говорить онъ, соединено со Христомъ, такъ и мы сое-диняемся съ тѣмъ же тѣломъ (т. е. историческимъ) чрезъ этотъ хлѣбъ. Стало быть, наше единеніе съ тѣломъ Господа Христа настолько естественно и существенно, что оно служить отобра-зомъ, подобіемъ ипостаснаго единенія двухъ естествъ во Христѣ. На нашъ взглядъ, нѣтъ никакой надобности предполагать, что „Христосъ“ у Златоуста означаетъ цѣлую Его личность—Бого-человѣческую, и, конечно, не безъ тѣла,—что подъ „тѣмъ тѣломъ“ разумѣется именно тѣло евхаристическое, влѣдствіе чего пони-мать дѣлаемое св. отцемъ сравненіе въ томъ смыслѣ, что едине-

¹⁾ Καθάπερ τὸ σῶμα ἐκείνο ἦν ὡταὶ τῷ Χριστῷ, οὕτω καὶ ἡμεῖς αὐτῷ διὰ τοῦ ἄρτου τούτου ἐνούμεθα. Διὰ τί δὲ προσέθηκεν, ὃν κλῶμεν; τούτο γὰρ ἐπὶ μὲν τῆς εὐχαριστίας ἐστὶν ἰδεῖν γινόμενον· ἐπὶ δὲ τοῦ σταυροῦ οὐκέτι, ἀλλὰ καὶ τοῦναντίον τούτῳ. Ὅσοῦν γὰρ αὐτοῦ, φησὶν, οὐ συντριβήσεται. Ἀλλ' ὅπερ οὐκ ἐπαύειν ἐπὶ τοῦ σταυροῦ, τούτο πάσκει ἐπὶ τῆς προσφορᾶς διὰ σέ, καὶ ἀπέχεται διακλῶμενος, ἵνα πάντας ἐμπλήσῃ... Τί γὰρ λέγω κοινωνίαν; φησὶν· αὐτό ἐσμεν ἐκεῖνο τὸ σῶμα. Τί γὰρ ἐστὶν ὁ ἄρτος; Σῶμα Χριστοῦ! Τί δὲ γίνονται· οἱ μεταλαμβάνοντες; Σῶμα Χρι-στοῦ. Οὐχὶ σῶματα πολλὰ, ἀλλὰ σῶμα ἓν... Οὐδὲ ἀπλῶς τὸ σῶμα αὐτοῦ ἔδωκεν· ὁ γὰρ ἐπειδὴ ἡ προτέρα τῆς σαρκὸς φύσις ἢ ἀπὸ γῆς διαπλασθεῖσα, ἀπὸ τῆς ἀμαρτίας φθισος νεκρωθῆναι καὶ ζωῆς γενέσθαι ἐρημος, ἐτέραν, ὡς ἂν εἴποι τις, μᾶζαν καὶ ὄμην ἐπεισθήγαγε, τὴν ἑαυτοῦ σάρκα, φύσει μὲν οὖσαν τὴν αὐτὴν, ἀμαρτίας δὲ ἀπηλ-αγμένην καὶ ζωῆς γέμουσαν καὶ πᾶσιν ἔδωκεν αὐτῆς μεταλαμβάνειν, ἵνα ταύτῃ τρε-τόμενοι, καὶ τὴν προτέραν ἀποθέμενοι τὴν νεκράν, εἰς τὴν ζωὴν τὴν ἀθάνατον διὰ τῆς τραπέζης ἀναγερασθῶμεν ταύτης.—Ibidem, n. 2, col. 200—201.

ніе евхаристическаго тѣла со Христомъ, или воспринятымъ Словомъ тѣломъ (историческимъ), служить образомъ и нашего единенія съ этимъ же тѣломъ въ моментъ вкушенія евхаристическаго хлѣба. Такое пониманіе отвергаетъ самъ св. отецъ. Онъ говоритъ, что ап. Павелъ, желая показать наивозможно тѣспѣйшее наше единеніе со Христомъ, добавилъ къ прежде имъ сказанному еще и слѣдующее: яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози, т. е. что мы то самое тѣло, ибо что такое, спрашиваетъ авторъ, хлѣбъ? И отвѣчаетъ: тѣло Христово. Чѣмъ же дѣлаются причащающіеся? Тѣломъ Христа. И тутъ же, какъ бы въ опроверженіе упомянутаго толкованія, прибавляетъ: не много тѣлъ, но одно тѣло, слѣдовательно, мы, по его представленію, вкушаемъ въ евхаристіи не хлѣбъ, но самое тѣло Христа, и притомъ тѣло именно историческое, вслѣдствіе чего всѣ въ своей совокупности образуемъ одно органически цѣльное тѣло Его, подобно хлѣбу, составленному изъ множества зеренъ. Если же онъ и выразился: мы соединяемся съ онымъ тѣломъ чрезъ этотъ хлѣбъ, т. е. хлѣбъ евхаристическій, то этимъ онъ не становится въ противорѣчіе съ самимъ собою: онъ хочетъ только сказать, что мы вкушаемъ истинное тѣло Господа Христа, но вкушаемъ его подъ видомъ хлѣба,—для внѣшняго чувства то, что сообщается намъ въ евхаристіи, кажется только хлѣбомъ, а между тѣмъ въ сущности это—тѣло Христово. Св. отецъ съ настойчивостью высказываетъ мысль о полномъ тождествѣ евхаристическаго тѣла съ тѣмъ тѣломъ, которое носилъ Христосъ во время земной жизни, и чего это послѣднее не потерпѣло, по его слову, на крестѣ, то самое оно терпитъ въ евхаристіи. Это тѣло такое же, какъ и наше, но отличается только безгрѣшностію и полнотою жизни, почему, будучи принято нами, служить для нашего организма закваскою, которая хотя мала, но кваситъ все смѣшеніе, преобразуя нашу смертную плоть въ безсмертную, и такимъ путемъ мы обновляемся къ безсмертной жизни. Затѣмъ, св. вселенскій учитель, упомянувъ о плодахъ причащенія, убѣждаетъ своихъ слушателей—достойно приступать къ великой и страшной жертвѣ и, выставляя между прочимъ въ примѣръ то естественное наше

уваженіе и почтеніе къ церковной ризѣ, по которому нечистый руками не осмѣливается прикоснуться къ ней, говорить: „если же къ человѣческой одеждѣ никто не осмѣлится прикоснуться, то какъ мы примемъ съ толикою дерзостію *сiе тѣло сущаго надъ вѣсти Бoga*, безпорочное, чистое (τὸ σῶμα τοῦ ἐπὶ πάντων Θεοῦ, τὸ ἄμωρον, τὸ καθαρὸν), тѣло, принятое въ общеніе божественною природою, чрезъ которое мы существуемъ и живемъ, чрезъ которое врата смерти сокрушены и сводъ небесный отверстъ, это-ли примемъ съ надменностію? Нѣтъ, умоляю, не убьемъ сами себя безстыдствомъ, но приступимъ съ трепетомъ и всякою чистотою“, при чемъ св. отецъ указываетъ на неизреченныя благодѣянія, доставленныя намъ чрезъ это тѣло, какъ: искупленіе, безсмертіе, пребываніе со Христомъ, сокрушеніе главы діавола, уничтоженіе жала смерти, и на тѣ ужасающія явленія, которыя совершались при его распятіи; прободенное же копьемъ оно источило для всей вселенной спасительныя источники—крови и воды. *И это тѣло*, продолжаетъ затѣмъ, *Онъ (Христосъ) далъ намъ и держать и ѣсть* (τοῦτο τὸ σῶμα ἔδωκεν ἡμῖν καὶ κατέχειν καὶ ἐσθίειν), что было дѣломъ распростертой любви ¹⁾. Итакъ, въ представленіи св. Златоуста тѣло евхаристическое, которое Христосъ даетъ намъ по Своей милости и безпредѣльной любви, и тѣло историческое, фактически пострадавшее, до того тождественны, что онъ нимало не различаетъ ихъ и это-то тѣло преподается намъ и „*держать и ѣсть*“, слѣдовательно, преподается истинно, реально. Затѣмъ еще разъ высказавъ, что вѣрующіе и нынѣ могутъ видѣть Господа Христа такъ же хорошо, какъ нѣкогда видѣли Его волхвы, ибо жертвенникъ заступаетъ мѣсто ясель, такъ какъ на немъ также лежитъ тѣло Господа и не въ пеленахъ, какъ въ то время, но обильно осѣняемое Духомъ ²⁾, онъ заключаетъ, что недостой-

¹⁾ S. Ioann. Chrysost. op. t. X. hom. XXIV in epist. 1. ad Cor.; n. 4, col. 203—204.

²⁾ Волхвы, читаемъ мы, устыдились этого тѣла и въ ясляхъ лежащаго. И мужи, не знающіе благочестія и иноплеменные, оставивъ свое отечество и домъ, предприняли длинный путь, и пришедши со страхомъ и трепетомъ великимъ поклонились. Итакъ, да подражаемъ мы, граждане небесъ, хоть иноплеменникамъ! Ибо они, увидѣвъ и въ ясляхъ и въ вертепѣ, и не зная начега того, что ты знаешь теперь, однако пришли съ великимъ трепетомъ. Ты же видишь

ному опасно приступать къ нему, а не участвовать въ этой таинственной вечери—голодъ и смерть, и естественнымъ образомъ переходить къ мысли о плодахъ причащенія. „Эта трапеза, говоритъ онъ, нервы души нашей, союзъ мысли, основа дерзновенія, надежда, спасеніе, свѣтъ, жизнь (τῆς ψυχῆς ἡμῶν τὰ νεῦρα, τῆς διανοίας ὁ σύνδεσμος, τῆς παρρησίας ἡ ὑπόθεσις, ἡ ἐλπίς, ἡ σωτηρία, τὸ φῶς, ἡ ζωή). Отошедши съ такою жертвою, мы съ великимъ дерзновеніемъ войдемъ въ священные преддверія, какъ бы огражденные отовсюду какими-либо золотыми вооруженіями. И что я говорю о будущемъ? *Для тебя это именно таинство* (τοῦτ' ἐστὶ τὸ μυστήριον) *дѣлаетъ землю небомъ, ибо теперь позволительно видѣть на землѣ тѣло царя небесъ.* Ни ангеловъ, ни архангеловъ, ни небеса, ни небеса небесъ, но Самого Владыку ихъ я показываю тебѣ. Видишь-ли, какъ на землѣ ты смотришь на то, что всего честнѣе, *и не смотришь только, но и касаешься, и не касаешься только, но и пьшъ, и получивъ отходишь домой?* Итакъ, очисти душу, приготовь мысль къ принатію этихъ таинствъ. Ибо если-бы тебѣ вручено было носить царское дитя съ утварью, багряницею и діадемою, то ты отбросилъ бы все земное; теперь, получая не царское дитя челоуѣка, но Самого Единороднаго Сына Божія, не трепещешь-ли, скажи мнѣ, и не отбросишь-ли всякую любовь къ житейскому“ ¹⁾). Слѣдовательно, по ученію великаго архіепископа константинопольскаго, причащеніе св. таинъ подаетъ намъ благую надежду, доставляетъ спасеніе, ведетъ къ безсмертію и вѣчной жизни, дѣлаетъ землю небомъ, давая намъ возможность не только видѣть, но и принять въ себя пречистое тѣло воплотившагося Сына Божія. Итакъ, судя по этой

не въ ясляхъ, но на жертвенникѣ, не жену держащую, но священника предстоящаго, и Духа осѣняющаго съ великимъ изобиліемъ предложенные дары (Ibidem, п. 5, col. 204). То же сравненіе вмѣстѣ съ развитіемъ мысли, что не-сознающему за собою ничего худого можно приступать къ причащенію каждый день, какъ напротивъ погрязшему въ грѣхахъ не безопасно приступать и въ праздникъ, мы читаемъ въ hom. VI-de beato Philogonio,—S. Ioann. Chrysost. op. t. 1, 2, vel. P. c. c. t. XLVIII, col. 753—756.

¹⁾ Ἰδὲς πῶς τὸ πάντων τιμωτέρον ὄρας ἐπὶ γῆς; καὶ οὐχ ὄρας μόνον, ἀλλὰ καὶ ἀπτη, καὶ οὐχ ἀπτη μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐσθίεις, καὶ λαβὼν οἶκαδε ἀναχωρεῖς... Ibidem, п. 5, col. 205—203.

бесѣдѣ св. Златоуста, мы должны признать за истинное его представленіе евхаристіи то, что чрезъ нее мы существеннымъ образомъ входимъ въ единеніе со Христомъ, истинно принимая въ себя распятое за насъ честное тѣло Его и излитую на крестѣ драгоцѣнную кровь Его ¹⁾, которыя дѣйствуютъ на насъ какъ

¹⁾ Съ этой именно точки зрѣнія становятся понятными и тѣ многочисленныя изреченія св. отца, что *мы принимаемъ въ себя тѣло и кровь Господа*. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Склоняя къ милосердію, онъ говоритъ: «Христосъ предложилъ тебѣ Свое тѣло и даровалъ честную кровь, а ты не даешь и чаши воды» (S. Joann. Chrysost. op. t. VIII, in Joann. hom. LXVII, n. 5, col. 419). Объясняя фактъ прободенія ребра Христова и истеченія изъ него крови и воды, св. Златоустъ пишетъ: «не безъ значенія и неслучайно истекли эти источники, но потому, что изъ того и другого составлена церковь. Это знаютъ посвященные въ таинство: водою они возраждаются, а кровію и плотію питаются. Такъ отсюда получаютъ свое начало наши таинства; а потому когда ты приступаешь къ страшной чашѣ, приступай такъ, какъ-бы ты пилъ отъ самого ребра Христова» (Ibid., hom. LXXXV, n. 3, col. 463). «Мы вкушаемъ не манну, читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—а принимаемъ тѣло Господа,—пьемъ не воду отъ камня, а кровь отъ ребра Христова» (op. t. V, expos. in ps. XLVI, n. 2, col. 210, ср. expos. in ps. CXXXIII, col. 386), или: «Христосъ плотію Своею питаетъ тебя, кровію Своею наполаетъ тебя» (Ibid., expos. in ps. CXXXIII, n. 2, col. 356), равно: «кто сдѣлался сыномъ и вкушаетъ духовную трапезу, тотъ долженъ прославлять Отца. И ты сдѣлался сыномъ, участвуешь въ духовной трапезѣ, вкушаешь плоть и кровь Того, Кто возродилъ тебя (Ib., exр. in ps. CXLIV, n. 1, col. 464),—или—убѣждая слушателей не быть честолюбивыми, говоритъ, что «все у насъ общее, общи и духовныя блага: священная трапеза, тѣло Господа, честная кровь Его, обѣтованіе царства, баня возрожденія, освященіе, искупленіе» (Ibid., expos. in ps. XLVIII, n. 4, col. 517). «Дерзко, восклицаетъ также, имѣть уста, подобныя диавольскимъ, и языкъ злого духа, особенно тому, кто участвуетъ въ столь великихъ таинствахъ и приобщается самой плоти Господа» (In. Matth. hom. LXXVIII, n. 2, Patr. c. compl. t. LIX, col. 715).—Изъ того же взгляда естественно объясняется и то многократно повторяющееся явленіе, что св. архіепископъ константинопольскій называетъ евхаристію страшною трапезою (φρικτὴ τράπεζα) или трапезою священною и страшною (ιερά καὶ φρικτὴ τράπεζα, и требуетъ нравственной чистоты отъ приступающаго къ ней. Такъ, увѣщавая слушателей къ самособранности, онъ приводитъ на память послѣдній день, день страшнаго суда и затѣмъ говоритъ: «размышляй о приобщеніи оной страшной трапезы, о блескѣ исходящаго отсюда огня и опаляющей силѣ его, и о томъ, какая требуется отъ приступающаго духа, чистая отъ всякой скверны и нечистоты и изгнавшая изъ себя незаконные помыслы» (S. Joann. Chrysost. op. t. IV, 1, vel. Patr. curs. compl. t. LIII, in Genesin—hom. XXIV, n. 7, col. 217). Или въ иномъ мѣстѣ пишетъ: «если мы станемъ прощать обиды, то будемъ въ состояніи съ чистою совѣстію приступить къ этой священной и страшной трапезѣ, и съ дерзновеніемъ произнести слова молитвы Господней (Ibid., hom. XXV, in 8, col. 251; ср. tom. III, 1, vel. Patr. c. compl. t. LI, or. in dictum

источники безсмертія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учитъ также объ евхаристіи, какъ дѣйствительномъ жертвоприношеніи, не развивая, однако, въ подробности своихъ мыслей.

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія толкованій св. Златоуста на новозавѣтные мѣста, касающіяся таинства евхаристіи, вытекаютъ слѣдующія положенія: св. отецъ во всѣхъ бесѣдахъ 1) съ настойчивостію развиваетъ мысль о реальномъ присутствіи тѣла и крови Христа въ таинствѣ алтаря; 2) съ ясностію учитъ о дѣйствительномъ принятіи (*manducatio oralis*) Христа вѣрующими,

Pauli: «oportet et haereses esse in vobis», п. 4, col. 259). «Я, читаемъ мы въ словѣ противъ зрѣлищъ, предупреждаю и объявляю громкимъ голосомъ: если кто послѣ этого увѣщанія и наставленія пойдетъ на нечестивыя и гибельныя зрѣлища, то я не впущу внутрь этой ограды, не сдѣлаю причастникомъ таинства, не позволю ему прикоснуться къ освященной трапезѣ, но какъ пастыри отдѣляютъ шелудивыхъ овецъ отъ здоровыхъ, чтобы болѣзнь не распространилась и на прочихъ, такъ точно поступлю и я...» Далѣе, убѣждая къ ревности позаботиться объ обращеніи согрѣшившихъ, онъ пишетъ: «Богъ скажетъ тебѣ: види, какъ изъ Моего дома украденъ не серебрянный, или золотой сосудъ, но похищено цѣломудріе, какъ тотъ, кто причащался пречистаго тѣла и участвовалъ въ такой жертвѣ, отправился въ діавольское мѣсто и впалъ въ такое преступленіе, почему молчалъ, почему терпѣлъ, почему не объявлялъ іерею?» (S. Joann. Chrysost. op. t. VI, or. contra ludos et theatra, п. 4, col. 268 et 270). «Чтобы пріобщаться, говорилъ также св. отецъ, должно наблюдать не праздники, а очищать совѣсть, и тогда прикасаться къ освященной жертвѣ. Ибо преступный и нечистый не достоинъ и въ праздникъ причащаться этой святой и страшной плоти, а чистый и омывшій свои преступленія искреннимъ покаяніемъ достоинъ ѣ въ праздникъ и во всякое время причащаться божественныхъ таинъ, достоинъ наслаждаться божественными дарами». И, бичуя словомъ тѣхъ, которые позволяютъ себѣ выходить изъ церкви прежде послѣдняго благодаренія, онъ сравниваетъ ихъ съ Іудею, оставившимъ соучниковъ и погибшимъ потому, затѣмъ продолжаетъ: «будемъ же, возлюбленные, представлять себѣ это, будемъ помышлять объ этомъ, страшась предстоящаго за то осужденія: Христосъ даетъ тебѣ Свою плоть, а ты не воздаешь Ему даже словами, и не благодаришь за полученное? Когда ты вкушаешь тѣлесную пищу, то послѣ трапезы обращаешься къ молитвѣ; а когда пріобщаешься пищи духовной и превосходящей всякую тварь—видимую и невидимую, ты, человѣкъ, уничиженный и по естеству, не остаешься благодарить Его и словами и дѣлами! Таинства и называются и суть таинства,—а гдѣ таинства, тамъ молчаніе. Итакъ, будемъ приступать къ этой священной трапезѣ съ глубокимъ молчаніемъ, съ великимъ благочиніемъ, съ надлежащимъ благоговѣніемъ» (S. Joann. Chrysost. op. t. II, 1, vel. Patr. curs. compl. XLIX, hom. de baptismo Christi, п. 4, col. 369—372). То же самое развивается и въ V бесѣдѣ in epist. 1 ad Timoth. п. 3, op. t. XI, col. 529—530. Ср. бесѣду XXVIII—in epist. 1 ad Corinth., п. 1,—op. t. X, col. 233.

доходя въ своихъ выраженіяхъ даже до смѣшенія видимой стороны съ невидимою, а не говоритъ только о центральномъ, духовномъ единеніи съ Нимъ; 3) признаетъ совершенное тождество евхаристическаго тѣла съ земнымъ, которое Сынъ Божій благоволилъ воспринять отъ Дѣвы Маріи, явившись на служеніе роду человѣческому, нисколько не различая одного тѣла отъ другого; 4) говоритъ о претвореніи св. Даровъ Самимъ Христомъ, каковую мысль подробнѣе развиваетъ въ бесѣдѣ на св. Іоанна, показывая, что самое дѣйствіе претворенія принадлежитъ Духу Святому, при посредничествѣ Сына, по молитвѣ священнодѣйствующаго; 5) учитъ, что священною трапезою Христосъ, въ доказательство намъ величайшей Своей любви, спасаетъ насъ, подавая оставленіе грѣховъ и въ то же время напоминая о Своемъ благодѣяніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ св. отецъ даетъ разъясненіе мысли о нашемъ тѣснѣйшемъ общеніи со Христомъ, съ Которымъ мы, по его слову, составляемъ одно тѣло подъ Его главенствомъ; наконецъ, 6) св. Златоустъ видитъ въ евхаристіи дѣйствительную жертву, въ которой возносится Самъ Агнецъ Божій, но это положеніе у него остается безъ достаточнаго развитія; въ частности—въ бесѣдѣ на св. Маттея рѣшается вопросъ: почему въ таинствѣ должны быть внѣшніе элементы и тѣмъ съ ясностію признаются въ немъ двѣ стороны: видимая и невидимая.

Что касается другихъ мѣстъ изъ твореній св. архіепископа константинопольскаго Златоуста, относящихся до евхаристіи, то въ нихъ содержится то же самое ученіе объ этомъ таинствѣ, какое мы нашли въ доселѣ разсмотрѣнныхъ нами бесѣдахъ его. Такъ, „приступая къ страшной и божественной трапезѣ ѿ святому таинству“, мы, по слову св. отца, истинно причащаемся тѣла и крови Христа, *въ св. евхаристіи Богъ дѣйствительно предлагаетъ намъ Своего Сына* ¹⁾). Св. архіепископъ констан-

¹⁾ S. Joan. Chrysost. op. t. II, 1,—vel. Patr. с. с. XLIX, hom. in diem natalem Dom n. Iesu Christi, col. 360—361.—Тоже мы встрѣчаемъ и въ другой бесѣдѣ Златоуста къ народу антиохійскому. «Илія, говоритъ всѣхъ вселенскій учитель, оставилъ ученику своему милоть, и это было величайшее послѣдіе. Но мы, участвующіе въ таинствахъ, получили несравненно больше. Тотъ оставилъ милоть, а Сынъ Божій возносясь оставилъ намъ плоть Свою. Илія самъ

тинопольскій ясно учить, что внѣшніе элементы таинства только видимая сторона его, а что въ существѣ своемъ они совсѣмъ иное. „*Не взирай*“, говоритъ онъ въ одной своей бесѣдѣ о покаяніи ¹⁾, „*что это хлѣбъ, не почитай, что это вино, ибо не какъ обыкновенная пища идетъ своимъ путемъ,—нѣтъ, не думай такъ; но какъ если бы ты, бросивъ въ огонь воскъ, ничего не утратилъ бы и ничего не имѣлъ бы въ остаткѣ, такъ и здѣсь, представляй, что таинство соединяется съ сущностію нашего тѣла. Посему если ты приступаешь къ нему, то не думай, что дѣлаешься участникомъ божественнаго тѣла изъ руки человѣка, но скорѣе такъ, какъ получилъ Исаія раскаленный уголь, который подалъ ему серафимъ клещами; и если мы примкнули губами къ божественному и непорочному боку Господа, то будемъ пить Его кровь*“. Надѣмся, что здѣсь съ ясностію высказано ученіе о сущности таинства евхаристіи, и преимущественно о невидимой, благодатной его сторонѣ; св. отецъ прямо учить о реальномъ принятіи нами Христа: „если мы примкнули губами къ божественному и непорочному боку Господа, то будемъ пить Его кровь“; онъ не считаетъ даже необходимымъ и говорить, не дѣлають ли какого исключенія остающіеся виды, ибо только о тѣлѣ и крови Христа, присутствующихъ подъ этими видами, можно строго утверждать, что они не идутъ путемъ обыкновенной пищи, такъ какъ въ моментъ принятія входятъ въ жизненное, таинственное общеніе съ нами, соединяются съ сущностію нашего организма и освящаютъ его. Нельзя также думать, чтобы св. Златоустъ училъ объ уничтоженіи тѣла Христова въ насъ, сравнивая его съ воскомъ, брошеннымъ въ огонь, какъ предполагають нѣкоторые ²⁾. Наряду съ этимъ сравненіемъ здѣсь находится и другое, именно—сравненіе евхаристійной пищи съ раскаленнымъ

остался безъ милоти, а Христосъ и намъ оставилъ плоть Свою и съ нею же вознесся» (ὁ Χριστὸς καὶ ἡμῖν κατέλιπε καὶ ἔχων αὐτὴν (σάρκα) ἀνῆλθεν). Ibid., ad popul. Antioch. hom. II, col. 46.

¹⁾ S. Joann. Chrysost. de poenitent. hom. IX. Cp. hom. L. in Matth, col. 507—508; op. t. VII, 2, hom. LXXVIII, col. 715; t. V, hom. in ps. XLVI, col. 210; hom.—CXXIII, col. 356; CXXXIII, col. 386, CXLIV, col. 464.

²⁾ Rückert, Das Abendmahl. Sein Wesen und seine Geschichte in der alten Kirche, Leipz., 1856 r., S. 428.

углемъ, которымъ серафимъ очистилъ пр. Исаію. Изъ такихъ сопоставленій мы имѣемъ право вывести то заключеніе, что тѣло и кровь Господа Христа незамѣтно для чувственнаго взора проникаютъ во весь нашъ составъ и освящаютъ его, но ни чутъ не уничтожаются. Таково различіе этой небесной пищи отъ всякой другой обыкновенной, такъ какъ сущность ея составляютъ тѣло и кровь Христа. Съ этой точки зрѣнія понятно и то ученіе св. Златоуста, что причащающіеся недостойно понесутъ наказаніе, какъ и распявшіе Христа. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ, объясняя слова апостола: ядый и пійй недостойнѣ — повиненъ будетъ тѣлу и крови Господа (1 Кор. XI, 29), онъ говоритъ, что смыслъ ихъ слѣдующій: *какъ распявшіе Іисуса, такъ и недостойно приобщающіеся таинъ понесутъ наказаніе*. Пусть никто не подозреваетъ въ этихъ словахъ преувеличеніе. Тѣло Господне есть царская одежда; а разорвавшій царскую багряницу и замаравшій ее нечистыми руками причиняютъ одинаковое оскорбленіе, посему одинаково и наказываются; такъ бываетъ и въ отношеніи къ тѣлу Христову. Іудеи растерзали его гвоздями на крестѣ, а ты, живущій во грѣхахъ, терзаешь нечистымъ языкомъ и мыслию. Потому и *одинаковымъ наказаніемъ* угрожаетъ тебѣ Павелъ и дальше говорить: отъ того многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираютъ“ (ст. 30) ¹⁾.

Встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ твореній св. Златоуста и взглядъ на евхаристію, какъ жертву. Приведемъ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ и характерныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ, находящееся въ 17-й бесѣдѣ на посланіе ап. Павла къ Евреямъ. Сказавъ, что Богъ въ ветхомъ завѣтѣ повелѣлъ приносить жертвы по причинѣ немощи и для напоминанія о грѣхахъ, св. отецъ задается вопросомъ: а мы развѣ не приносимъ жертву каждый день? Затѣмъ самъ же отвѣчаетъ: *приносимъ, но совершая воспоминаніе о смерти Христовой, и эта жертва одна, а не многія*. Какъ одна, а не многія? Такъ какъ она однажды принесена, подобно той, которая была принесена во святомъ святыхъ. Та была

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. II, 2, vel. P. c. c. t. L, hom. de sanctis martyribus, n. 3, col. 650.

образомъ этой, и сія (образъ) оной же. *Мы постоянно приносимъ одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же; такъ что жертва одна.* Такимъ образомъ, хотя она приносится во многихъ мѣстахъ, но развѣ много Христовъ? Нѣтъ, одинъ Христосъ вездѣ, и здѣсь полный, и тамъ полный, одно тѣло Его. *И какъ приносимый во многихъ мѣстахъ—есть одно тѣло, а не много тѣлъ, такъ и жертва одна.* Онъ есть Первосвященникъ, принесшій очищающую насъ жертву. *Ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную, но никогда неоскудѣвающую.* Это совершается въ воспоминаніе бывшаго тогда: сіе творите, сказалъ Христосъ, въ Мое воспоминаніе. Не иную жертву (сравнительно съ тѣмъ), какъ тогдашній Первосвященникъ, но *ту же самую приносимъ мы постоянно*, или—лучше (сказать)—совершаемъ воспоминаніе жертвы Христовой ¹⁾. Далѣе св. учитель упоминаетъ о томъ, что многіе причащаются сей жертвы однажды въ годъ, другіе дважды, а иные нѣсколько разъ, пустынники же иногда и чрезъ два года, и спрашиваетъ: кого же одобримъ? Тѣхъ, говоритъ онъ въ отвѣтъ, которые причащаются съ чистою совѣстію, съ чистымъ сердцемъ, съ безукоризненною жизнію; такіе пусть всегда приступаютъ, а иначе и однажды не слѣдуетъ. И священникъ, по совершеніи жертвоприношенія, возглашаетъ: „святая святымъ“ — для отлученія недостойныхъ и дабы никто безъ вниманія и какъ случилось не приступалъ къ духовному источнику; этотъ возгласъ служить вмѣсто узъ. Почему онъ и приглашаетъ всѣхъ къ чистотѣ и святости ²⁾. Итакъ, по мнѣнію св. Златоуста, евхаристическая

1) — Τὸν αὐτὸν ἀεὶ προσφέρομεν, οὐ νῦν μὲν ἕτερον πρόβατον, αὐριον δὲ ἕτερον, ἀλλ' ἀεὶ τὸ αὐτό· ὥστε μία ἐστὶν ἡ θυσία. Ἐπεὶ τῷ λόγῳ τούτῳ ἐπειδὴ πολλοῦ προσφέρεται, καὶ πολλοὶ Χριστοὶ; ἀλλ' οὐδαμῶς, ἀλλ' εἰς πανταχοῦ ὁ Χριστός, καὶ ἐνταῦθα πλήρης ὢν, καὶ ἐκεῖ πλήρης, ἐν σώμα ἐστί, καὶ οὐ πολλὰ σώματα, οὕτω καὶ μία θυσία. Ὁ Ἀρχιερεὺς ἡμῶν ἐκεῖνός ἐστιν ὁ τὴν θυσίαν τὴν καθαίρουσαν ἡμᾶς προσενεγκών. Ἐκεῖνην προσφέρομεν καὶ νῦν, τὴν τότε προσεναχθεῖσαν, τὴν ἀνάλωτον. Τοῦτο εἰς ἀνάμνησιν γίγνεται τοῦ τότε γενομένου. Τοῦτον γὰρ ποιεῖτε, φησιν, εἰς τὴν ἐμὴν ἀνάμνησιν. Οὐκ ἄλλην θυσίαν, καθάπερ ὁ Ἀρχιερεὺς τότε, ἀλλὰ τὴν αὐτὴν ἀεὶ ποιοῦμεν· μᾶλλον δὲ ἀνάμνησιν ἐργαζόμεθα θυσίας. S. Ioann. Chrysost. op. t. XII, in ep. ad Hebraeos—hom. XVII, n. 3, col. 131.

2) Ibidem, n. 4—5, col. 131—133.

жертва, хотя совершается всюду по вселенной и ежедневно, всегда, однако, одна и та же, потому что въ ней постоянно и всюду приносится одинъ и тотъ же вѣчносущій Агнецъ, однажды закланный за грѣхи міра. Почему она и не есть какая-нибудь новая жертва, отличная отъ крестной, а одна и та же съ нею, и служить не къ восполненію никогда неоскудѣвающей жертвы Голгоетской, принесенной за родъ человѣческій, но есть, такъ сказать, типическое воспроизведеніе смерти Господа Христа. Мы приносимъ теперь ту же самую очистительную жертву, которая была совершена однажды навсегда великимъ Первосвященникомъ І. Христомъ. „Онъ, т. е. Христосъ, говоритъ Златоустъ, есть нашъ Первосвященникъ, принесшій очищающую насъ жертву; ее приносимъ и мы теперь, тогда принесенную, но никогда не оскудѣвающую“. Слѣдовательно, *евхаристическая жертва*, по взгляду св. отца, *совершенно тождественна съ Голгоетскою жертвою и служитъ воспоминаніемъ ея*. Тожество это открывается и по Совершителю жертвы. Мы знаемъ взглядъ на это св. отца: евхаристію, по его слову, всегда совершаетъ тотъ же Первосвященникъ, Который совершилъ ее въ первый разъ, — Самъ Господь Іисусъ ¹⁾. Но не смотря на тождество этихъ жертвъ и по существу и по Совершителю, св. отецъ намѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ и различіе между ними: *крестная жертва — кровавая, между тѣмъ евхаристическая — безкровная*. Последняя подобна жертвѣ Авраама, который сына своего Исаака, хотя и не кровавымъ, но безкровнымъ образомъ, однако съ такимъ же усердіемъ, обрекъ въ жертву на смерть, какъ если бы дѣйствительно совершилъ. „Эта жертва Исаака, говоритъ онъ, совершилась безъ кровопролитія, потому что она должна была сдѣлаться образомъ жертвы алтаря“ ²⁾. Наконецъ, *евхаристическая жертва*, какъ назначенная къ воспоминанію искупительной смерти Христа, съ тѣмъ вмѣстѣ *служитъ и благодарнымъ воспоминаніемъ всѣхъ вообще неизреченныхъ благодѣяній Божіихъ*. „Страшное и столь спасительное таинство“, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ твореній

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. VII, 2, Hom. in Matth. L, n. 3, col. 507.

²⁾ S. Joann. Chrysost. hom. in Matth. LII.

св. Златоуста, „совершаемое во время св. литургіи, называется евхаристією (εὐχαριστία—благодареніе), потому что оно служить воспоминаніемъ многихъ благодарѣній и указываетъ на важнѣйшее дѣйствіе промысленія Божія и потому, что чрезъ все сіе возбуждаетъ насъ къ благодарности... Посему-то священникъ во время предложенія оной жертвы повелѣваетъ намъ благодарить Бога за всю вселенную, за отсутствующихъ, находящихся въ храмѣ, за тѣхъ, которые были прежде насъ, и за тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ... Будемъ же благодарить Бога за неизреченныя блага, обнаружившіяся особенно въ домостроительствѣ. Богъ предалъ за насъ—враговъ Своихъ—предалъ Того, Который былъ для Него всего драгоцѣннѣе, Единороднаго Сына Своего, и не только предалъ, но и послѣ сего предложилъ намъ Его въ пищу. Онъ все Самъ для насъ сдѣлалъ и даровалъ намъ Сына Своего и содѣлалъ насъ благодарными за это чрезъ таинство евхаристіи“¹⁾. Слѣдовательно, *евхаристія*, какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ словъ, по его взгляду, *совершается за вѣсѣхъ*, — она усвояетъ людямъ, по мѣрѣ ихъ пріемлемости, заслуги всесовершенной и безпредѣльно могущественной жертвы крестной. Потому, какъ сила жертвы крестной обнимаетъ живыхъ и умершихъ, такъ и евхаристія есть умиловительная жертва за спасеніе всѣхъ, т. е. не только за живыхъ, причащающихся ея, но и умершихъ. Въ другихъ мѣстахъ твореній св. Златоуста мы находимъ довольно ясное подтвержденіе этого. Доказывая, что не надобно предаваться неумѣренной скорби объ умершихъ, но должно помогать имъ молитвами и благодѣяніями, онъ пишетъ: „сокрушаюсь потому, говоришь, что отошелъ грѣшникомъ. Это отговорка и предлогъ. Если поэтому плачешь объ отшедшемъ, то надлежало бы живого исправлять и приводить къ благонравію. А если онъ умеръ и грѣшникомъ, то должно радоваться потому, что пересталъ грѣшнить и не умножаетъ зла, и надобно, сколько можно, помогать не слезами, но молитвами, моленіями, милостынями и приношеніями. Ибо не просто придумано это, *и не напрасно оплаемъ*

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. VП, 1, vel P. c. c. t. LVП, in Matth. hom. XXV, n. 3—4, col. 331—332.

мы поминовенія объ отшедшихъ предъ Божественными тайнами и приступая умоляемъ за нихъ подлежащаго Лица, Который взялъ грѣхъ міра, но чтобы отсель было имъ какое-либо утѣшеніе. И ненапрасно предстоящій предъ жертвенникомъ, на коемъ совершаются страшныя таинства, взываетъ о всѣхъ во Христѣ почившихъ, и о совершающихъ поминовеніе о нихъ. Если бы не было за нихъ поминовеній (издревле отъ временъ апостольскихъ), то и сего не говорили бы. Ибо наше служеніе не забава, — да не будетъ сего! — но совершается по устроенію Духа. Итакъ, будемъ помогать имъ и совершать поминовеніе о нихъ. Если дѣтей Іова очищали жертвы отца: то зачѣмъ сомнѣваешься въ томъ, будетъ-ли какое утѣшеніе отшедшимъ, когда мы приносимъ за нихъ жертву? Богъ обыкновенно являетъ милость однимъ ради другихъ. И на это указывалъ Павелъ, говоря: да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о васъ (2 Кор. I, 11). Да не облѣнимся помогать отшедшимъ и приносить за нихъ молитвы. *Ибо предлежитъ общая для всего міра очистительная жертва* (καὶ γὰρ τὸ κοινὸν τῆς οἰκουμένης κείται καθάρσιον). Посему съ дерзновеніемъ молимъ мы тогда о вселенной и произносимъ имена почившихъ наряду съ мучениками, исповѣдниками и священниками. Мы всѣ одно тѣло, хотя одни члены свѣтлѣе другихъ. И, безъ сомнѣнія, возможно имъ пріобрѣсть прощеніе чрезъ молитвы, чрезъ дары, приносимые за нихъ, и чрезъ именуемыхъ вмѣстѣ съ ними. Итакъ, зачѣмъ скорбишь? Зачѣмъ плачешь, когда можно пріобрѣсти отшедшему такое прощеніе* ¹⁾?

Одно, повидимому, мѣсто изъ твореній св. Златоуста прямо противорѣчитъ тому взгляду на таинство евхаристіи, какой мы усвоаемъ ему; это — письмо къ Кесарію монаху. Въ немъ св. отецъ, касаясь вопроса о неслитности двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ, утверждаетъ, что Христосъ есть вмѣстѣ и Богъ и человекъ и въ то же время — одинъ, обладая въ соединенныхъ естествахъ однимъ господствомъ, одною властію, однако эти естества не единосущны

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. Xii epist 1. ad Cor. hom. XII, n. 4—5, col. 361.

и каждое изъ нихъ сохраняетъ собственные свойства, такъ какъ, оба они—неслитны, и затѣмъ даетъ такое сравненіе: „*какъ хлѣбъ прежде нежели освятится, мы называемъ хлѣбомъ: когда же Божественная благодать освящаетъ его при посредствѣ священника, онъ уже свободенъ отъ наименованія хлѣбомъ, но сталъ достоинъ имени тѣла Господня, хотя натура хлѣба въ немъ осталась, и мы проповѣдуемъ не два тѣла, но одно тѣло Сына; такъ и здѣсь, по вѣдреніи Божественнаго естества въ тѣло, то и другое вмѣстѣ составили одного Сына, одно лицо, при нераздѣльности въ то же время и неслитности познаваемое—не въ одномъ только естествѣ, но въ двухъ совершенныхъ*“. И нѣсколько далѣе прибавляетъ: „обыкновенно предлагаютъ въ возраженіе: развѣ не тѣла и крови Бога мы причащаемся вѣрно и благочестиво? Да,—надобно сказать имъ, но не потому, чтобы Божество по естеству Своему прежде вочеловѣченія обладало тѣломъ и кровію, а потому говорится такъ, что Оно усваиваетъ плоть“¹⁾.—Основываясь исключительно на этомъ мѣстѣ, мы, повидимому, вмѣстѣ съ Мейеромъ и Бауромъ должны бы представлять ученіе св. отца объ евхаристіи въ такомъ видѣ: Сынъ Божій (въ моментъ воплощенія) вступилъ въ общеніе съ человѣческимъ тѣломъ чрезъ Божественный актъ и образовалъ съ послѣднимъ единство, которое мы называемъ Христомъ, но такъ, что оба естества Его сохраняютъ свои свойства,—подобно этому и въ евхаристіи чрезъ *sanctificatio divinae gratiae* къ хлѣбу снисходитъ Божественная природа, и то и другое, будучи предложено безъ измѣненія своей сущности, дѣлается новымъ смѣшеніемъ, изъ двухъ образуется одно, это—тѣло Христа, но такъ, что оба они (и хлѣбъ и божество) удерживаютъ свои свойства, и слѣдовательно хлѣбъ навсегда остается хлѣбомъ. Но такое пониманіе

¹⁾ Sicut antiquam sanctificetur panis, panem nominamus: divina amute ill. m sanctificante gratia, mediante sacerdote, liberatus est quidem ab appellatione panis; dignus autem habitus dominici corporis appellatione, etiamsi natura panis in ipso permansit, et non duo corpora, sed unum corpus Filii praedicamus. Οὕτω καὶ ἐνταῦθα τῆς θείας ἐνιδρομένης τῷ σωματι φύσεως, ἐν Χριστῷ, ἓν πρόσωπον τὸ συναρμότερον ἀντετέλειαν. S. Joann. Chrysost. op. t. III, 2, vel P. c. c. t. LII, cp. ad Caesarium Monachum, col. 758—759.

ясно противорѣчить тому, не разъ воспроизводимому св. Златоустомъ, взгляду, что 1) хлѣбъ по освященіи—уже не хлѣбъ, но истинное тѣло Христа, и что 2) послѣднее получается вслѣдствіе претворенія внѣшнихъ элементовъ, такъ что ихъ собственно нѣтъ въ таинствѣ, хотя и представляются таковыми для чувственного взора. Съ другой стороны, сравненіе само по себѣ еще не предполагаетъ съ необходимостію совершеннаго тождества между сравниваемыми предметами. Нерѣдко св. отцы также ставятъ въ сравненіе наше единеніе со Христомъ чрезъ причащеніе съ ипостаснымъ Его единеніемъ съ человѣческою природою,—но развѣ между этими двумя явленіями тождество? Притомъ и нельзя при объясненіи даннаго мѣста указывать съ особенною силою на выраженіе: „etiamsi natura panis in ipso permansit“, имѣющее здѣсь, повидимому, рѣшающее значеніе. Согласно съ тогдашнимъ словоупотребленіемъ—„natura“, какъ и соотвѣтствующее ему греческое—φύσις, означаетъ не только: 1) рожденіе, 2) естественное качество, природа; 3) порядокъ, законъ природы; 4) сущность, но и 5) свойство, положеніе, видъ,—короче, это слово можетъ употребляться не только въ приложеніи къ субстанціи, но и къ внѣшнему виду, почему и все мѣсто можетъ получить иной смыслъ: хлѣбъ, по освященіи Божественною благодатію, дѣлается тѣломъ Христа, хотя наружный видъ его и удерживается,—взглядъ на сколько православный, настолько же и не противорѣчащій другимъ мѣстамъ того же Златоуста. Замѣчательно въ этомъ случаѣ дальнѣйшее добавленіе: не два тѣла, но одно тѣло Сына мы проповѣдуемъ, т. е. претворенный благодатію Божіею хлѣбъ образуетъ не новое какое-либо тѣло Христа, но составляетъ то же самое, которое Онъ воспринялъ: мы признаемъ и возвѣщаемъ одно тѣло Его. И такъ какъ сіе тѣло вошло въ ипостасное единеніе со Словомъ, Сыномъ Божіимъ, то поэтому мы имѣемъ право всегда сказать, что причащаемся плоти и крови Бога; новое подтвержденіе того, что, по мысли св. Златоуста, въ евхаристіи мы вкушаемъ не хлѣбъ и вино, а истинно принимаемъ въ себя тѣло и кровь Господа. Въ силу такихъ соображеній, намъ кажется, легче допустить, что св. отцемъ сдѣлано сравненіе не

въ строгомъ смыслѣ и что невозможно выставить его въ опроверженіе принятой имъ идеи претворенія даровъ. Въ другихъ мѣстахъ мы находимъ ясное подтвержденіе мысли, что въ св. евхаристіи хлѣбъ и вино не остаются въ ихъ естественномъ видѣ, но дѣйствительно измѣняются, претворяются въ тѣло и кровь Христа. Такъ, въ одной изъ бесѣдъ св. Златоустъ пишетъ: „была нѣкогда пасха іудейская, но теперь отмѣнена, и наступила пасха духовная (τὸ πνευματικὸν πάσχα), которую преподалъ Христосъ. Ибо когда ученики ѣли и пили, тогда Онъ, говорится, взявъ хлѣбъ, преломилъ и сказалъ: сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое въ оставленіе грѣховъ. Посвященные разумѣютъ сказанное. Также взявъ и чашу, сказалъ: сія есть кровь Моя, за васъ изливаемая въ оставленіе грѣховъ (Матѣ. XXVI, 26—28). И Іуда присутствовалъ, когда Христосъ говорилъ это. Сіе есть тѣло, которое ты, Іуда, продалъ за 30 сребренниковъ; сія есть кровь, о которой ты недавно заключилъ безстыдныя условія съ неблагодарными фарисеями... Христосъ употребилъ все съ Своей стороны для вразумленія Іуды, но онъ остался при своемъ нечестивомъ намѣреніи. *Но время приступить къ этой страшной трапезѣ... И нынѣ предстоитъ Тотъ же Христосъ; Кто приготовилъ ту трапезу, Тотъ же приготовляетъ и эту теперь. Ибо не человѣкъ дѣлаетъ, что предложенное становится тѣломъ и кровію Христа, но Самъ распятый за насъ Христосъ. Іерей, выполняя образъ, стоитъ и произноситъ оныя слова; сила же и благодать отъ Бога. Сіе есть тѣло Мое, говоритъ. Сіе слово измѣняетъ предложенное. И какъ онъ гласъ, говорящій: раститесь и множитесь, и наполните землю (Быт. I, 28), однажды изреченъ, а во всякое время даетъ природѣ нашей силу чадородія; такъ и сей гласъ, произносимый надъ каждою трапезою въ церквахъ, съ того времени до нынѣ и до пришествія Его, совершаетъ приготовленную жертву“¹⁾. По-*

¹⁾ Πάρεστιν ὁ Χριστός, καὶ νῦν ἐκεῖνος ὁ τὴν τράπεζαν διακοσμήσας ἐκείνην, οὗτος καὶ ταύτην διακοσμεῖ νῦν. Οὐδὲ γὰρ ἄνθρωπος ἐστὶν ὁ ποιῶν τὰ προκειμένα γενέσθαι σῶμα καὶ αἷμα Χριστοῦ, ἀλλ' αὐτός ὁ σταυρωθεὶς ὑπὲρ ἡμῶν Χριστός. Σχήμα πληρῶν ἔστικεν ὁ ἱερεὺς τὰ ῥήματα φθεγγόμενος ἐκείνα· ἥδε δύναμις καὶ ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ ἐστίν. Τοῦτό μου ἐστὶ τὸ σῶμα, φησί. Τοῦτο τὸ ῥήμα μεταρρύθ-

сему св. отецъ убѣждаетъ не имѣть скверны, или порока, но въ чистотѣ приступать къ страшной и святой „этой жертвѣ“, вкушать „эту духовную пищу“, дабы она не послужила въ осужденіе. „Постыдись, говорить онъ затѣмъ, самаго сего приношенія, предложить закланный Христосъ“. Такимъ образомъ изъ сказаннаго св. отцемъ вытекаетъ, что Спаситель, сказавъ ученикамъ Своимъ: примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, и заповѣдавъ имъ творить то же самое, что сотворилъ Онъ предъ ними на тайной вечери, тѣмъ самымъ даровалъ имъ власть священнодѣйствовать Его тѣло и кровь, такъ что собственныя Его слова: „сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя“—служать несомнѣнною порукою въ томъ, что установленное и совершенное Имъ таинство евхаристіи доннынѣ дѣйствуется подобно тому, какъ и нѣкогда сказанныя нашимъ прародителямъ слова: раститесь и множитесь и пр., доннынѣ исполняются неложно. И слова: „сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Мея“ — доселѣ остаются и до скончанія вѣка пребывать нелживыми, повторяясь въ церквахъ священнослужителями надъ хлѣбомъ и виномъ, ибо Онъ Самъ невидимо прелагаетъ ихъ въ Свое тѣло и кровь ¹⁾. Слѣдовательно, слова Спасителя: „сіе есть тѣло Мое“, *измѣняющія*, по выраженію Златоуста, (μεταρρῶνμίζει) *предложенное, имѣютъ смыслъ закона, развѣ навсегда установленнаго*. Ибо всякій разъ Христосъ Самъ непосредственно освящаетъ и прелагаетъ дары евхаристіи, іереи же, произносящіе приведенныя слова, занимаютъ только мѣсто слугъ: „та трапеза, за которою было установлено таинство“, говорить св. отецъ въ одномъ мѣстѣ своихъ твореній, „не имѣетъ ничего большаго сравнительно со всякой послѣдующей (οὐδὲν πλεον ἔχει ἐκεῖνη ἢ τράπεζα τῆς μετὰ ταῦτα), потому что и днесъ совершаю-

μίζει τὰ προκειμένα· καὶ καθάπερ ἡ φωνὴ ἐκεῖνη ἠλέγρουσα· Αὐξάνεσθε, καὶ πληθύνεσθε, καὶ πληρώσατε τὴν γῆν ἐρρεθὴ μὲν ἀπαξ, διὰ παντός δὲ τοῦ χρόνου γίνεται ἔργῳ ἐνδυναμοῦσα τὴν φύσιν τὴν ἡμετέραν πρὸς παιδοποιῶν· οὕτω καὶ ἡ φωνὴ αὕτη ἀπαξ λεχθεῖσα καθ' ἐκάστην τράπεζαν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις ἐξ ἐκεῖνου μέχρι σήμερον καὶ μέχρι τῆς αὐτοῦ παρουσίας, τὴν θυσίαν ἀπρητισμένην ἐργάζεται.—S. Ioann. Chrysost. op. t. II, 1,—De proditiōne Iudae hom. 1, col. 380—382. Ср. Тоже самое въ hom. II—de proditiōne Iudae, ibid, col. 389—390.

¹⁾ Смотри. «Обличительное Богословіе».—Архим. Иннокентія, т. II, Казань, 1859 г., стр. 231—236.

щій все и предающій Онъ, какъ и тогда“ ¹⁾). И значитъ, *нельзя утверждать*, что, по его взгляду, *претвореніе Даровъ совершается именно вышеприведенными словами Спасителя и только ими одними*. Въ твореніяхъ св. Златоуста мы находимъ то же самое ученіе относительно этого пункта, которое содержитъ нынѣ православная церковь. Такъ, приглашая слушателей въ одной изъ своихъ бесѣдъ — приступить къ трапезѣ, содержащей Агнца закланнаго и принесеннаго въ жертву, со страхомъ, великимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ, св. отецъ указываетъ на ангеловъ, съ благоговѣніемъ стоявшихъ при пустомъ гробѣ потому только, что онъ содержалъ тѣло Господа, и продолжаетъ затѣмъ: „что дѣлаешь ты, человѣкъ! Когда священникъ стоитъ предъ трапезою, *воздвѣвая руки къ небу и призывая Духа Святаго, чтобы Онъ сошелъ и коснулся лежащихъ Даровъ*, тогда великая тишина, великое безмолвіе. *Когда же Духъ дастъ благодать, когда Онъ сойдетъ, когда коснется лежащихъ Даровъ, когда ты увидиши Агнца уже закланнаго и готоваго*, тогда начинаешь шумъ, тогда смятеніе, тогда споръ, тогда брань! Какъ же ты можешь причаститься этой жертвы, приступая къ трапезѣ съ такимъ смятеніемъ?.. Помысли, что такое предлежитъ и для чего оно: (агнецъ) закланъ для тебя, а ты съ пренебре-

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. X, in 1 ep. ad Cor. hom. XXVII, n. 4. col. 229. Св. Златоустъ неоднократно упоминаетъ, что «приношеніе (въ евхаристіи) одно и то же, кто бы ни совершалъ его, Павелъ ли, Петръ ли: оно то же самое, которое Христосъ преподавалъ ученикамъ Своимъ, то же самое совершаютъ и нынѣ священники; это нисколько не ниже того, ибо и это не люди освящаютъ, а Самъ Богъ, освятившій его и тогда (S. Joann. Chrysost. op. t. XI, in epist. II ad Timoth. hom. II, n. 4, col. 612). Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ своимъ слушателямъ: «вѣруйте, что и нынѣ совершается та же вечеря, на которой Самъ Христосъ возлежалъ. Ибо ничѣмъ не отлична одна отъ другой. *Нельзя сказать, что сію совершаетъ человекъ; напротивъ ту и другую совершаетъ Самъ Онъ* (οὐδὲ γὰρ τοῦτο μὲν ἀνθρώπος ἐρύχεται, ἐκείνο δὲ αὐτός, ἀλλὰ καὶ τοῦτο καὶ ἐκεῖνο αὐτός). Посему когда видишь, что священникъ преподаетъ тебѣ дары, представляй, что не священникъ дѣлаетъ это, но Христосъ простираетъ къ тебѣ руку. Раздавателемъ дара и въ крещеніи и въ евхаристіи является невидимо Самъ Богъ. Итакъ, послушаемъ, священники и міряне, чего мы удостоились; послушаемъ и ужаснемся! *Христосъ далъ намъ въ пищу плоть Свою, Самого Себя предложилъ въ жертву*» (S. Joann. Chrysost. op. t. VII, 2, P. c. s. h. LVIII, in Matth. hom. L, n. 3, col. 507—508).

женіемъ зриаешь на него закланнаго. Помысли, что такое изливается. Это кровь, кровь, которая очистила твою душу, которая омыла твои нечистоты, которая восторжествовала надъ началами и властями“ ¹⁾). — Или въ другомъ мѣстѣ, показывая „свойства благодатнаго служенія“ въ сравненіи съ важными таинственными принадлежностями служенія ветхозавѣтнаго, тотъ же св. отецъ пишетъ: „когда видишь Господа закланнаго и предложеннаго въ жертву, — священника предстоящаго сей жертвѣ и возносящаго молитвы, народъ же окропляемый драгоцѣнною ея кровію, еще ли думаешь, что ты находишься среди людей и стоишь на землѣ, что ты не перенесся мгновенно на небеса и, отвергнувъ всѣ плотскія помышленія души, обнаженнымъ отъ всего земнаго духомъ и чистымъ умомъ не созерцаешь небесное? О, чудо! О, человѣколюбіе Божіе! Сѣдящій въ горьнихъ съ Отцемъ въ сей часъ объемлется руками всѣхъ, — даетъ Себя осязать и ощущать всѣмъ, кто только желаетъ... Превосходство этой святыни открывается и чрезъ сравненіе съ жертвоприношеніемъ Иліи. *Здѣсь предстоитъ священникъ, низводя не огонь, но Святаго Духа, возноситъ усердную молитву* не о томъ, чтобы какой-либо огонь, ниспавъ съ неба, потребилъ подлежащіе дары, но *о томъ, чтобы благодать, ниспавши на жертву, возглаголю души всѣхъ людей и содѣлала свѣтлѣйшими чистаго серебра* ²⁾). Такое страшное

¹⁾ Ὅταν ἐστῇ τῇ πρὸ τῆς τραπέζης ὁ ἱερεὺς, τὰς χεῖρας ἀνατείνων εἰς τὸν οὐρανόν, καλῶν τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον τοῦ παραγενέσθαι καὶ ἄψασθαι τῶν προκειμένων, πολλὴ ἡσυχία, πολλὴ αἰγὴ. Ὅταν διδῷ τὴν χάριν τὸ Πνεῦμα, ὅταν κατέλθῃ, ὅταν ἄψῃται τῶν προκειμένων, ὅταν ἴδῃς τὸ πρόβατον ἐσφαγισμένον καὶ ἀπρηρτισμένον, τότε θόρυβον, τότε παραχῇν, τότε φιλονεικίαν, τότε λοιδορίαν ἐπεισάξεις;—S. Ioann. Chrysost. op. t. II, 1, vel. Patr. c. compl. t. XLIX, hom. de coemeterio et cruce, col. 397.

²⁾ Ἔστι γὰρ ὁ ἱερεὺς, οὗ πῦρ καταφέρων, ἀλλὰ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον καὶ τὴν ἱκετηρίαν ἐπὶ πολὺ ποιεῖται, οὐχ ἵνα τις λαμπὰς ἄνωθεν ἀφεθεῖσα καταναλῶσῃ τὰ προκειμένα, ἀλλ' ἵνα ἡ χάρις ἐπὶ πεσοῦσα τῇ θυσίᾳ δι' ἐκείνης τὰς ἀπάντων ἀνάψῃ ψυχὰς, καὶ ἀργυρίου λαμπροτέρας ἀποδείξῃ πεπυρωμένου... S. Ioann. Chrysost. op. t. 1, 2, vel. Patr. curs. compl. t. XLVIII, de sacerdotio. lib. III, n. 4, col. 642—643.—Ср. поцитованное выше сочиненіе арх. Иннокентія, ч. II, стр. 231—236. Въ подтвержденіе защищаемой нами мысли здѣсь еще можно указать на литургію св. Златоуста, въ которой послѣ словъ Спасителя есть молитва для призванія Св. Духа на предложенные дары (о чемъ мы еще упомянемъ въ своемъ мѣстѣ), и на взгляды о преложеніи даровъ, встрѣчающіеся у учениковъ св. отца, какъ то: Прокла Константинопольскаго и Нила Синайскаго.

таинство можетъ ли кто презирать, кромѣ человѣка, лишеннаго вовсе ума и чувствъ“. И нѣсколько далѣе: „безумно не имѣть уваженія къ такому достоинству (священству), безъ котораго нельзя получить спасенія и обѣщанныхъ благъ. Если невозродившійся водою и Духомъ не можетъ войти въ царствіе небесное, и не ядущій тѣла Господня и не пьющій крови Его отвергается отъ жизни вѣчной, и все это совершается никѣмъ другимъ, какъ только освященными руками, разумѣю—руками іереевъ: то какимъ образомъ безъ посредства ихъ возможетъ кто-нибудь и избѣжать огня геенскаго и получить уготованные вѣнцы?“ — Слѣдовательно, евхаристія, какъ и крещеніе, по взгляду св. Златоуста, можетъ совершаться исключительно только освященными руками, или—иначе—законно-поставленными іереями и епископами. Съ другой стороны, онъ ясно учитъ, что *таинственную жертву евхаристическую совершаетъ благодать Божія, нисходящая, по молитвѣ священнодѣйствующаго, на св. дары*, такъ что „не было бы таинственнаго тѣла, если бы не было благодати Духа Святаго“, и значить, подобно Кириллу Іерусалимскому, онъ признаетъ необходимымъ призываніе Св. Духа (*ἐπίκλησις τοῦ ἁγίου Πνεύματος*). Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что претвореніе даровъ, по взгляду св. отца, совершается не словами только Спасителя, изреченными Имъ при установленіи евхаристіи, но наитіемъ Св. Духа—вслѣдствіе призыванія со стороны литургисующаго, въ силу заслугъ Господа Христа и по Его непреложной, безпредѣльно-любвеобильной волѣ. Все же рассматриваемое мѣсто убѣждаетъ въ томъ, что св. отецъ истинно признавалъ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христа въ евхаристіи. Если же онъ и называлъ эту „пищу—духовною“, или „духовною пасхю“, то не отрицалъ тѣмъ реальнаго общенія вѣрующихъ съ ними. Св. отецъ самъ даетъ намъ объясненіе термина—„духовный“. Толкуя слова апостола, „не хочу оставить васъ, братіе, въ невѣденіи, что отцы наши всѣ были подъ облакомъ и всѣ прошли сквозь море“ (1 Кор. X, 1),—и показывая близкое отношеніе обоихъ заветовъ, онъ говоритъ, какимъ образомъ переходъ евреевъ чрезъ Черное море прообразовалъ крещеніе, затѣмъ продолжаетъ:

„теперь я объясню тебѣ, какъ прообразована тамъ (въ ветхомъ завѣтѣ) и трапеза и приобщеніе таинъ. Сказавъ о морѣ, облакѣ и Моисеѣ, апостолъ присовокупилъ: и всѣ ѣли одну и ту же духовную пищу (ст. 3). Какъ ты, говорить, выходя изъ водной купели, приступаешь къ трапезѣ, такъ и они, по выходѣ изъ моря, приступили къ трапезѣ, новой и необыкновенной, разумѣю манну. И еще: какъ ты имѣешь необыкновенное питье—спасительную кровь, такъ и они имѣли питье необыкновеннаго рода, нашедши не источники и не текущія рѣки, но получивъ изъ твердаго и безводнаго камня весьма обильные потоки. Посему онъ и назвалъ это питье духовнымъ, не потому, чтобы оно было такимъ по своей природѣ, но потому, что было такимъ по способу произведенія. Ибо не по закону природы оно дано было имъ, а по дѣйствию Бога, Который велъ ихъ“¹⁾. Итакъ, если ветхозавѣтныя пища и питье—манна и вода изъ камня, по слову св. Златоуста, должны быть названы духовными, „ибо не по закону природы были даны“, то тѣмъ болѣе этотъ эпитетъ причастствуетъ новозавѣтному таинству, въ которомъ Самъ Господь предлагаетъ намъ Свою плоть и кровь для наслѣдія вѣчной жизни. Вслѣдствіе этого встрѣчаемое нами у св. отца наименованіе евхаристіи—духовною—не должно и не можетъ насъ наводить на сомнѣніе. Въ дальнѣйшей рѣчи св. отецъ снова выражаетъ свою вѣру, что всякій вѣрующій дѣйствительно принимаетъ „историческое“ тѣло Христа. „Какъ Христосъ одинъ, говоритъ онъ, такъ одна и трапеза для всѣхъ. Какъ въ церкви не иное тѣло принимаетъ богатый, а иное бѣдный, и не иную кровь тотъ, а иную этотъ, такъ и тогда не иную манну получалъ богатый, а иную бѣдный, не инымъ источникомъ пользовался тотъ, а инымъ худшимъ этотъ; но какъ теперь одна и та же трапеза, одна и та же чаша, одна и та же пища предлагается всѣмъ, такъ и тогда

¹⁾ Διὰ τοῦτο αὐτὸ καὶ πνευματικὸν ἔκαλεσεν, οὐκ ἐπειδὴ τῇ φύσει τοιοῦτον ἦν, ἀλλὰ ἐπειδὴ τῇ τροπῇ τῆς χορηγίας τοιοῦτον ἐγένετο. Οὐ γὰρ κατὰ φύσεως ἀκολουθίαν αὐτοῖς εἰδόμετο, ἀλλὰ κατὰ τὴν ἐνέργειαν τοῦ σπαραττομένου αὐτῶν Θεοῦ... S. Joann. Chryst. op. t. III, 1, vel. P. c. c. t. LI, hom. in. dictum Pauli: nolo vos ignorare etc., n. 4, col. 248—249.

одна и та же манна, одинъ и тотъ же источникъ предлагались всѣмъ“ ¹⁾).

Наконецъ, въ заключеніе своего обозрѣнія твореній св. Златоуста въ отношеніи къ ученію его о таинствѣ евхаристіи мы должны сказать еще нѣсколько словъ о литургіи съ его именемъ. Правда, подлинный текстъ ея не сохранился, вслѣдствіе чего мы принуждены вмѣсто оригинала пользоваться уже древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ (именно Барбериновымъ); но несомнѣнно, что въ числѣ трудовъ сего вселенскаго святителя была литургія. „Спустя немного времени послѣ св. Василія,—писалъ ближайшій ученикъ Златоуста, св. Прокль Константинопольскій, опять златословесный отецъ нашъ Іоаннъ, какъ пастырь ревностно заботящійся о спасеніи овецъ и обращающій вниманіе на лѣность человѣческой природы, захотѣлъ исторгнуть съ корнемъ всякій сатанинскій предлогъ, посему и исключилъ многое (изъ литургіи), и учредилъ, чтобы она совершалась сокращеннѣе“ ²⁾). Онъ составилъ такую совершенную форму литургіи, которая осталась въ сущности навсегда неизмѣнною, не смотря ни на какія послѣдующія прибавленія. Въ ней существенныя принадлежности евхаристическаго священнодѣйствія яснѣйшимъ образомъ отдѣлены отъ тѣхъ, которыя могли измѣняться по волѣ предстоятелей церкви и по обстоятельствомъ времени ³⁾). Слѣдовательно, сущность ея,—что для насъ и важно,—болѣе или менѣе свободна отъ позднѣйшихъ прибавленій и приращеній. Въ ней литургисующій, приготовляясь къ совершенію важнѣйшаго акта, молитъ Бога, дабы Онъ содѣлалъ его способнымъ „принести дары и жертвы духовныя за свои грѣхи и за грѣхи народа“, чтобы самая жертва была благодатною и чтобы благій Духъ благодати нисшелъ на священнодѣйствующихъ, на предлагающіе Дары и народъ ⁴⁾). Затѣмъ приступая къ совершенію самаго

¹⁾ Ibidem. Cp. t. II, 2, vel. P. c. c. t. L,—hom. de resurrectione Domini nostri Iesu Christi, n. 2. 3, col. 436—437.

²⁾ De tradit. div. missae. Patr. curs. comp.,—Migne, t. LXV, col. 850.

³⁾ Собраніе древнихъ литургій въ переводѣ на русскій языкъ, вып. II, стр. 118..

⁴⁾ Молитва приношенія, по окончаніи таинственной пѣсни,—тамъ же, стр. 123.

священнодѣйствія, онъ возсылаетъ благодареніе Богу за все Его благодѣянія, начиная съ созданія ⁴⁾, приводитъ на память исторію установленія таинства, долженствующаго совершаться до скончанія вѣка, призываетъ Св. Духа на подлежащіе Дары, которые послѣ благословенія и предлагаются въ тѣло и кровь Христа; далѣе молится за всехъ живыхъ и умершихъ. Обращаясь въ молитвѣ къ Богу Отцу, священнодѣйствующій говоритъ: „Ты такъ возлюбилъ міръ Твой, что отдалъ Сына Твоего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную, Который, пришедши и исполнивъ все домостроительство о насъ, въ ту ночь, въ которую Онъ предалъ Себя, взявъ хлѣбъ въ Свои святые и пречистые и пренепорочныя руки, благодаривъ и благословивъ (и освятивъ), преломилъ и подалъ св. Своимъ ученикамъ и апостоламъ, сказавъ: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, за васъ ломимое въ оставленіе грѣховъ. Подобнымъ образомъ и чашу послѣ вечери (подалъ), говоря: пейте изъ нея все, сія есть кровь Моя новаго завета, за васъ и за многихъ проливаемая въ оставленіе грѣховъ“. И, когда народъ отвѣтитъ: „аминь“, онъ продолжаетъ: „итакъ, воспоминаая сію спасительную заповѣдь и все совершившееся ради насъ, крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, восшествіе на небеса, сѣденіе одесную, еще второе и славное пришествіе — Твое изъ Твоего принося по всему и для всего, (народъ) — Тебя воспѣваемъ“. — Обращаемъ вниманіе на цѣль, съ какою приводятся въ изложенной молитвѣ слова Господа Иисуса Христа, сказанныя Имъ при установленіи таинства: „ими только воспоминается спасительная заповѣдь Его“. И значить несправедливо предполагаютъ, что будто бы, по взгляду св. отца, этими именно словами Спасителя и только ими одними совершается претвореніе даровъ на литургіи. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ потребовалось бы непосредственно за симъ помѣщать еще молитву для призванія Св. Духа? Едва ли бы также осмѣлился св. отецъ сдѣлать отъ себя прибавку, если бы въ его время церковь вселенская не вѣрила и не учила о моментѣ пре-

⁴⁾ Эта молитва начинается словами: «Достойно и справедливо Тебя воспѣвать» и проч., — стр. 125, — тамъ же.

творенія даровъ такъ, какъ вѣрить и учить нынѣ церковь православная. Молитва же о призваніи Св. Духа, произносимая священникомъ тайно, читается такъ: „Еще приносимъ Тебѣ сію словесную и безкровную службу, просимъ и молимъ и умоляемъ: ниспосли Духа Твоего Святаго на насъ и на подлежащіе дары сіи. (И воставъ знаменуеть, говоря тайно) — *и содѣлай хлѣбъ сей драгоценнымъ тѣломъ Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ. Аминь. А то, что въ чашѣ сей, — драгоценною кровію Христа Твоего, преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ.* (Священникъ тайно) — *чтобы они были для причащающихся (дарами) къ трезвенности души, въ оставленіе грѣховъ, въ общеніе Святаго Твоего Духа, къ достиженію царства, къ дерзновенію предъ Тобою, не въ судъ или въ осужденіе* ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь подобно тому, какъ и въ бесѣдахъ, признается необходимымъ — призваніе Св. Духа и чрезъ Него Самъ Господь Христосъ претворяетъ дары, прелаяя ихъ въ Свое честное тѣло и въ Свою пречистую кровь, которыя, слѣдовательно, истинно присутствуютъ въ таинствѣ по освященіи даровъ. Ясно, что и здѣсь обнаруживается вѣра въ претвореніе внѣшнихъ элементовъ таинства, евхаристія объявляется особенно важнымъ священнодѣйствіемъ, совершаемымъ по заповѣди Спасителя, — дары, предлагающіеся въ ней, освящаются и претворяются наитіемъ Св. Духа, по молитвѣ литургическаго.

Результатъ изслѣдованія. Изъ разсмотрѣнія твореній св. архіепископа константинопольскаго Іоанна Златоуста вытекаетъ слѣдующее догматическое ученіе о таинствѣ евхаристіи: 1) св. отецъ, различая въ таинствѣ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю — благодатную, многократно и съ особенною настойчивостію

¹⁾ Ἐπὶ προσφέρομέν σοι τὴν λογικὴν ταύτην καὶ ἀναίμακτον λατρείαν, καὶ παρακαλοῦμεν καὶ δεόμεθα καὶ ἱκετεύομεν· κατὰπεμψον τὸ πνεῦμά σου τὸ ἅγιον ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ προκειμένα δῶρα ταῦτα. (Καὶ ἀνίστάμενος σφραγίζων, λέγων μυστικῶς). Καὶ ποιήσον τὸν μὲν ἄρτον τοῦτον τίμιον σῶμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου τῷ ἁγίῳ. Ἀμήν. Τὸ δὲ ἐν τῷ ποτηρίῳ τοῦτῳ τίμιον αἷμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου τῷ ἁγίῳ (ὁ ἱερεὺς μυστικῶς). — Ὅστε γενέσθαι τοῖς μεταλαμβάνουσιν εἰς νῆψιν ψυχῆς, εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν, εἰς κοινωνίαν τοῦ ἁγίου σου πνεύματος, εἰς βασιλείας πλήρωμα, εἰς παῤῥησίαν τὴν πρὸς σὲ μὴ εἰς κρίμα ἢ εἰς κατὰκριμα. — В u n s e n, Hippolitus unde seine Zeit, Leipzig, 1863. S. 555.

развиваетъ мысль о дѣйствительномъ присутствіи тѣла и крови Господа Іисуса Христа въ евхаристіи, такъ что нерѣдко даже совершенно повидимому игнорируетъ видимые элементы; 2) весьма ясно учить о реальномъ принятіи Христа вѣрующими, а не о духовномъ только, центральномъ единеніи съ нимъ, утверждая, что тѣло Христа сообщается не душѣ только причащающагося, но вмѣстѣ и тѣлу, принимается тѣлесно; 3) признаетъ существенное тождество евхаристическаго тѣла съ земнымъ, воспринятымъ Сыномъ Божиимъ при воплощеніи, видя въ нихъ лишь различныя явленія одного и того же тѣла Господа Христа; 4) твердо вѣруя, что всѣ евхаристическія жертвы одинаковы, такъ какъ каждую изъ нихъ устрояетъ Самъ Христосъ, іереи же занимаютъ только мѣсто слугъ, съ опредѣленностію высказывается за идею претворенія даровъ наитіемъ Св. Духа, хотя и не раскрываетъ вполнѣ этого взгляда; 5) представляетъ св. евхаристію дѣломъ безконечной любви къ намъ Спасителя и считаетъ ее актомъ, служащимъ къ воспоминанію какъ искупительной смерти Христа, такъ и всѣхъ другихъ неизреченныхъ благодѣяній Божіихъ роду человѣческому; 6) учить, что причащеніе доставляетъ безсмертіе и вѣчную жизнь, что вѣрующій чрезъ причащеніе становится однимъ тѣломъ со Христомъ, между тѣмъ какъ недостойно причащающійся въ свое осужденіе ѣстъ и пьетъ; 7) довольно опредѣленно трактуетъ объ евхаристіи, какъ жертвѣ; 8) показываетъ отношеніе этой безкровной жертвы къ кровавой жертвѣ Голгоетской, признавая въ нихъ тождество и по существу и по Совершителю; 9) вообще въ ученіи св. Златоуста о таинствѣ евхаристіи замѣчается богатство, разнообразіе, глубина мыслей, ясность, раздѣльность представленія, убѣдительность изложенія; недостаетъ лишь обобщенія, системы, и 10) дошедшая до насъ литургія съ именемъ св. архіепископа константинопольскаго служить немаловажнымъ подтвержденіемъ изложенныхъ мыслей.

А. Кирилловъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки